UNIVERSUM: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал
Издается ежемесячно с декабря 2013 года
Является печатной версией сетевого журнала
Universe: общественные науки

Выпуск: 9-10(59)

Октябрь 2019

Москва
2019

УДК 1/14+32+93/94
ББК 63+66+87
U55

Главный редактор:

Блейх Надежда Оскаровна, д-р ист. наук, канд. пед. наук;

Члены редакционной коллегии:

Вигель Нарине Липаритовна, д-р филос. наук;

Гриценко Галина Дмитриевна, д-р филос. наук;

Гужавина Татьяна Анатольевна, канд. филос. наук;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Карпенко Татьяна Михайловна, канд. филос. наук;

Купченко Константин Владимирович, канд. ист. наук;

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Попова Ирина Викторовна, д-р социол. наук;

Соловенко Игорь Сергеевич, д-р ист. наук;

Сопов Александр Валентинович, д-р ист. наук;

Сорокин Александр Николаевич, канд. ист. наук;

Тарароев Яков Владимирович, д-р филос. наук.

U55 Universum: общественные науки: научный журнал. – № 9-10(59). М.,
Изд. «МЦНО», 2019. – 20 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/social/archive/category/9-59>

ISSN (печ.версии): 2500-1264

ISSN (эл.версии): 2311-5327

DOI: 10.32743/UniSoc.2019.59.9-10

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 63+66+87

© ООО «МЦНО», 2019 г.

Содержание	
Исторические науки и археология	4
История международных отношений и внешней политики	4
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЬСКО-GERMANСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ	4
Демидов Андрей Владимирович	
Отечественная история	11
УЧАСТИЕ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ	11
Текеева Земира Хыйсаевна	
Социологические науки	14
Теория, методология и история социологии	14
ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СССР	14
Кажанов Олег Александрович	

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЬСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ*Демидов Андрей Владимирович**канд. полит. наук, независимый эксперт,
РФ, г. Москва*SOME ASPECTS OF GERMAN-POLISH RELATIONS IN THE PERIOD BETWEEN
TWO WORLD WARS*Demidov Andrey**PhD in Political Science, independent expert,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает отдельные аспекты польско-германских отношений в период между двумя мировыми войнами (1918-1939). Особо выделяются те характерные черты политики Варшавы в отношении Германии, которые способствовали быстрому разгрому Польши нацистами.

ABSTRACT

The author deals with some aspects of bilateral relations between Poland and Germany during the period of 1918-1939. Special attention is attributed to the characteristic features of Polish foreign policy that resulted in quick defeat of Poland by Nazis.

Ключевые слова: Германия, Польша, польско-германские отношения, Версальский мирный договор, Польский коридор, спорность границ, международные гарантии, секретные протоколы, национальные меньшинства.

Keywords: Germany, Poland, Polish-German relations, Versailles Peace Treaty, Polish corridor, controversy of borders, international guaranties, secret protocols, national minorities.

Причины, приведшие к возникновению Второй мировой войны, весьма непросты, глубоки, многоплановы и неоднозначны. Сказалось воздействие большого ряда факторов, среди которых особенности двусторонних отношений между отдельными европейскими государствами, включая отношения между Германией и Польшей, также играли определенную роль.

Тема польско-германских отношений в межвоенный период видится достаточно интересной, все еще сохраняющей свою актуальность. В то же время, по мнению многих исследователей, она остается недостаточно изученной как в отечественной, так и в зарубежной литературе — серьезному исследованию подверглись только отдельные аспекты проблемы. Здесь сказывается и острота проблемы — ученые разных стран стремятся в первую очередь оправдать действия своих политиков того времени и возложить ответственность за имевшие место серьезные последствия на руководителей других стран.

Наряду с этим, нужно учитывать, что мы переживаем тот непростой период, в ходе которого ранее существовавшие оценки подвергаются переосмыслению, а новые зачастую еще не сформулированы. К примеру, в последние годы вокруг событий как предшествовавших началу Второй мировой войны, так и произошедших в ходе войны, разворачиваются серьезные политические дискуссии. Дискуссии эти касаются роли великих держав и, в частности, роли Советского Союза в предвоенный период. Вектор этих дискуссий, в основном, однозначен: ставится цель выставить СССР чуть ли не в качестве единственного виновника разжигания войны. Одновременно, некоторые страны, в частности Польша, изображаются как однозначно безвинно пострадавшие от порочной политики «тоталитарных режимов».

Большинство современных польских историков склонно изображать свою страну в межвоенный период как мирное, демократическое государство, стремившееся жить в мире и дружбе со своими соседями.

Но вот «тоталитарные страны», типа гитлеровской Германии и сталинской России, злонамеренно сговорившись, набросились на миролюбивую Польшу как на бедную овечку.

Как известно, Первая мировая война завершилась подписанием 28 июня 1919 года Версальского мирного договора. Это был важнейший из целой серии документов, подписанных потерпевшей военное поражение Германией и победившими в войне странами Антанты. Договор, вступивший в силу 10 января 1920 года после его ратификации Германией, Великобританией, Францией, Японией и Италией, содержал положения, касавшиеся территориальных вопросов. Так, части 2 (Ст. 27 — 30) и 3 (Ст. 31 — 117) были посвящены прохождению новых границ

Германии с Францией, Бельгией, Швейцарией, Люксембургом, Австрией, Чехословакией, Данией и Польшей. В частности, в соответствии с этими статьями Германия уступала Польше город Познань, часть Померании и Западной Пруссии. Город Данциг (Гданьск) объявлялся вольным городом. Создавался т. н. «Польский коридор», дававший Польше выход к морю и отделявший Восточную Пруссию от основной территории Германии (см. рисунок).

Польский коридор, где было образовано Поморское воеводство, давал стране выход к морю. А это имело серьезное значение в плане безопасности и экономики, поскольку уменьшало зависимость от Германии.

Рисунок 1. Карта «Польского коридора»

Важно в связи с этим упомянуть, что Германия оказывала на Польшу постоянное давление в плане предоставлении права морского и сухопутного транзитного прохода через коридор. Польское правительство отказывалось удовлетворить такие требования. Кроме того, Германия не скрывала своих планов по аннексии Данцига. Однако следует учитывать, что ширина коридора не превышала 200 километров, а в самом узком и, соответственно, самом уязвимом месте — лишь 30 километров. Коридор заканчивался полосой побережья Балтийского моря шириной 71 километр. Такие размеры коридора давали Германии возможность держать выход Польши к Балтийскому морю Германия под постоянным военным контролем. На этом основании можно утверждать, что Варшава так и не получила полного суверенного права распоряжаться этой территорией.

В то же время такие исконные польские земли как Нижняя Силезия, большая часть Верхней Силезии оставались за Германией. Вопрос о принадлежности южной части Восточной Пруссии и Верхней Силезии предполагалось решить на основе плебисцита (в 1921 году часть Верхней Силезии отошла к Польше, южная часть Восточной Пруссии — к Германии).

По вполне понятным причинам Версальский договор не устраивал Германию. В первую очередь недовольство у немцев вызывали его территориальные условия. Германия была поставлена ими в униженное положение, поскольку была лишена части стратегически важных территорий. Польша же получила наиболее индустриально-развитые германские восточные земли. Неудивительно в связи с этим, что власти Веймарской Германии строили планы по изменению границ. Германские руководители хотели решить проблему границы своей страны, не нарушая

Версальского договора и отстаивали ориентацию на его мирную ревизию. Понятно, что изменить границы со странами-победителями (западные границы Германии) не удастся, следовательно, единственной возможностью оставалась германо-польская граница. Тогдашний министр иностранных дел Германии Густав Штресеман, являвшийся одним из главных проводников франко-германского сотрудничества и западноевропейской интеграции, стремился к ревизии польско-германской границы мирным путем, надеясь на доброжелательное отношение к этому со стороны западных государств (прежде всего, Франции и Великобритании). И тот факт, что западные державы не согласились на предложения Г. Штресемана и не дали далеко идущих уступок в отношении польско-германской границы, подобных тем, которые позже были сделаны Гитлеру, многие германские историки считают одной из важнейших причин прихода Гитлера к власти.

Восстановление независимости Польши в 1918 году уже само по себе не устраивало Германию. Германия видела в Польше «сезонное» или «буферное» государство, «уродливое детище Версальского договора». Немецкие лидеры, как в период Веймарской республики, так и Третьего рейха, рассматривали Польшу как некое переходное образование, угнетающее к тому же невольно оказавшееся на его территории немецкое национальное меньшинство. И этот фактор накладывал серьезный отпечаток на весь комплекс двусторонних отношений, делал невозможным складывание доверительных связей между ними. В Германии считали, Польша была образована ценой Германии, хотя и признавали, что Пруссия некогда была создана ценой Польши. Германия воспринимала независимость Польши и ее границы, как составную часть неприемлемой для Германии Версальской системы. Соответственно отношение к Польше у немецких руководителей формировалось под знаком борьбы за ликвидацию Версальских постановлений.

Уже к середине декабря 1924 г. в МИД Германии были выработаны основные предпосылки внешнеполитического обмена мнениями с другими заинтересованными государствами, в т.ч. с Советским Союзом, в ходе которого германская сторона хотела бы сделать первоочередным предметом переговоров отношение к Польше. Расчет германской дипломатии строился на надежде использовать спорность польских границ, как с Германией, так и с другими соседями Польши.

Наряду с этим Германия использовала экономические рычаги давления на Польшу. Можно без преувеличения сказать, что экономическая политика Веймарской Германии в отношении Польши была политикой экономического нажима. Более того, Германия стремилась к экономической изоляции Польши в Европе с целью добиться территориальных уступок. Одним из проявлений такой политики можно назвать «таможенную войну» 1925 года.

Польшу Версальский договор тоже устраивал не в полной мере. В частности, в Варшаве высказыва-

лись претензии по поводу польско-германской границы. Так, отмечалось, что эта граница была чересчур длинной, неестественной и наносила вред экономике присоединенных к ней регионов. Наряду с этим указывалось на недостаточность нормативно-правовых актов, которые оформляли польско-германскую границу.

При формировании Версальской системы послевоенного урегулирования, западные державы, отдававшие себе отчет в несправедливости территориальных перемен в Европе, предприняли максимум усилий по обеспечению неприкосновенности своих границ. В частности, по итогам переговоров, проходивших в швейцарском городе Локарно в сентябре 1925 года, 1 декабря в Лондоне было подписано семь договоров (Локарнские договоры). В частности, эти договоры фактически разделили границы в Европе на две группы: незабываемые, гарантированные западные (для Германии) границы, и восточные, в отношении которых гарантий не давалось. Соответственно, эти договоры даже называли «безгарантийными договорами». И хотя со стороны Франции были подтверждены союзнический характер отношений с Польшей, было совершенно очевидно, что безопасность Польши серьезно ущемляется тем фактом, что в отношении ее границ с Германией не было дано международных гарантий, подобных тем, что были даны в отношении границ Германии с Францией и Бельгией. Все предпринимавшиеся Варшавой попытки распространить подобные гарантии и на германо-польскую границу, успеха не имели. Уже в этом прослеживалось стремление западных держав направить реваншистские устремления Германии на Восток.

Державы-победительницы в Первой мировой войне отказали Польше в получении репараций с Германии. Считалось, что такое решение компенсируется передачей ей бывших германских территорий. Однако в Варшаве полагали, что Версальский договор ущемлял Польшу как в финансовых вопросах, так и в вопросах национальных меньшинств.

29 июня 1919 года между Польшей и Германией был подписан т. н. Малый Версальский договор. Предметом договора являлась защита национальных и политических меньшинств. В Германии считали, что поляки в межвоенное время стремились лишить группу немецкого меньшинства национальных особенностей и полонизировать ее. В частности, отмечалась дискриминация немецкого населения на территории Польского коридора, не желавшего принимать польское гражданство (составлявшего 19,1% всего населения Поморского воеводства) [1]. Проводившаяся польским руководством политика в отношении национальных меньшинств строилась, по мнению германского исследователя, на основе собственных иллюзий и переоценки значения Польши [2]. С польской же стороны считали договор о защите прав национальных меньшинств позором и деградацией их страны до уровня наций, находящихся на самой низкой ступени культурного развития. Это было тем более значимо, что ограничения, подобные содержащимся в договоре, накладывались не на все

страны. Малый Версальский договор, полагали в Варшаве, больше навредил, чем помог им.

Одной из особенностей внешней политики Польши в межвоенный период являлось стремление Варшавы к обретению их страной статуса великой державы. Более того, не будет преувеличением говорить о том, что завоевание положения великого европейского государства являлось главной целью политики Польши в 20-х годах. Неудивительно в связи с этим то, что во взаимоотношениях со своими соседями (с СССР, с Чехословакией и с Германией)

Польша проводила достаточно задиристскую политику.

После прихода к власти в Германии нацистского режима во главе с А. Гитлером в польской внешней политике заметно проявились весьма отчетливые признаки неуверенности и непоследовательности. Прекрасно понимая, что вектор германской агрессии в тогдашних европейских реалиях в конечном счете будет направлен на восток, Варшава начала предпринимать отчаянные усилия с целью обеспечения своей безопасности путем достижения договоренностей с Берлином.

Рисунок 2. Католический женский лагерь в Маку в-Подхалыньски, Польша, 1930-е годы

Так, 26 января 1934 г. в Варшаве была подписана германско-польская Декларация о неприменении силы. Этот документ был подписан по инициативе генерал-инспектора Польши Ю. Пилсудского и рейхс-канцлера Германии А. Гитлера. Формально этот документ носил характер пакта о ненападении. Т.е. Т.е. реально, что очень важно, Польша была первым государством, заключившим пакт о ненападении с Германией. Однако, он имел секретное приложение, существование которого официальная Варшава отрицает до сих пор. Приложение это предоставляло Гитлеру свободу действий в австрийском вопросе и содержало обещанное Польше Германией «техническое» сотрудничество на Украине.

Имелась информация о договоренности между Польшей и Германией о том, что в случае занятия Японией части советской территории на Дальнем Востоке, Польша и Германия уладят свои разногласия

за счет России. Так, предполагалось, что Польша могла бы отказаться от Польского коридора в обмен на часть советской территории и морской порт, к примеру — Клайпеду.

Параллельно между польским и германским генеральными штабами была заключена секретная договоренность о сотрудничестве, направленная против СССР.

В 1938 — 1939 гг. министр иностранных дел Польши от имени своего правительства неоднократно заявлял, что мир его стране может принести «политическое балансирование» Польши между Германией и СССР. Но реальная политика Варшавы, на словах основанная на принципах т. н. «равноудаленной дистанции», на деле все больше отходила от этого принципа. Дистанция по отношению к Москве увеличивалась, а по отношению к Берлину — сокращалась.

Рисунок 3. Германский посол в Варшаве Г.-А. фон Мольтке, генеральный инспектор и военный министр Польши Ю. Пилсудский, министр пропаганды Германии Й. Геббельс и министр иностранных дел Польши Ю. Бек

Не удивительно в связи с этим, что польский министр иностранных дел Ю. Бек поддержал высказанное осенью 1938 г. инициативу И. Риббентропа выработать общую позицию по отношению к СССР и благосклонно встретил немецкую идею о возможном присоединении Польши к «Антикоминтерновскому пакту» [3].

21 марта 1939 г. И. Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине Ю. Липским достаточно безапелляционно заявил, что Польша должна ясно осознать — она не может проводить «средний курс» между Германией и Советским Союзом. Он добавил, что соглашение между Польшей и Германией «должно иметь определенную антисоветскую направленность» [4].

Подобные заходы немецких нацистов падали в Варшаве на благодатную почву. Многолетний польский лидер Ю. Пилсудский, политика которого концентрировалась на военной экспансии в восточном направлении, выдвинул т. н. «федеративную концепцию», провозглашавшую «суверенность» «союзных» с Польшей восточных государственных образований, которые должны были быть созданы за счет Советского Союза. Концепция польской гегемонии была направлена прежде всего на Восток и Юго-Восток в отношении Литвы, Белоруссии и Украины.

31 августа 1937 г. польский Генштаб выпустил директиву № 2304/2/37, в которой в качестве конечной цели политики Варшавы устанавливалось «уничтожение всякой России». В 1938 г. в Варшаве была

принята польская военная доктрина, которая, в частности, гласила, что «расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке» [5]. И. Риббентроп после своей встречи Ю. Бекон сделал запись, согласно которой: «Господин Бек не скрывает, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» [6].

Польское правительство принимало меры и по упрочению своего сотрудничества с другими государствами — участниками фашистской «оси» — с Италией и с Японией. В частности, польский посол в Риме В. Длугошевский вел переговоры с итальянским министром иностранных дел Г. Чиано об участии Польши в мероприятиях фашистской агрессии в Юго-Восточной Европе, считавшейся традиционной сферой влияния итальянского милитаризма. Здесь Варшаве больших успехов достичь не удалось, поскольку Г. Чиано всячески подчеркивал, что без участия Германии невозможно вести переговоры о политике в этом регионе.

МИД Польши стремился нарастить связи с Японией. Так, польская делегация в Лиге Наций открыто защищала японскую агрессию в Китае. В сентябре 1938 г. японский министр иностранных дел выразил благодарность польскому правительству за отказ делегации Польши от голосования по резолюции, содержавшей осуждение политики Японии в Китае. Польша признала марионеточное государство Манчжоу-Го и установила с ним консульские отношения.

Своего пика польско-германское агрессивное сотрудничество достигло в октябре 1938 г. Варшава,

пользуясь полным параличом чешского государства после Мюнхенских соглашений, захватила Тешинскую область Чехии и ряд населенных пунктов в Сло-

вакии. У.Черчилль позднее назвал Польшу государством, которое с жадностью гиены набросилось до-едавать в Чехословакии то, что «не доели» нацисты [7].

Рисунок 4. Демонстрация польских студентов, требующих создания "гетто за партами" для нацменьшинств (как правило евреев и украинцев) у Львовского политехнического института в 1937 году

В своей внутренней политике Варшава действовала по схемам, весьма схожим с нацистскими. В стране создавали совершенно невыносимые условия для жизни представителей национальных и религиозных меньшинств. Чтобы получить образование и поступить на государственную службу было необходимо принять католичество и польские имена. Польских евреев, по согласованию с Гитлером, предполагалось выселить ... на Мадагаскар. Польская полиция в проведении своей репрессивной политики консультировалась с органами «СС» и Гестапо.

Но особым гонениям были подвергнуты православные жители Западной Украины и Западной Белоруссии. В июне 1934 г. был создан ссыльный лагерь Каргуз-Берега, куда помещались все, кто осмеливался сомневаться в правильности национальной политики польского правительства.

Несмотря на все перечисленные усилия, военные приготовления Германии не стали секретом, и польские военные докладывали о них в правительство. В связи с этим произошли изменения в военной политике Польши. С марта 1939 г. польский генштаб приступил к осуществлению мероприятий по укреплению границ на западе. Однако было уже поздно.

Одновременно польские дипломаты вели переговоры и с западными державами. 6 апреля 1939 г. в Лондоне состоялась встреча Н. Чемберлена и Ю. Бека. И хотя стороны заявили о своем намерении заключить в будущем договор о военно-политическом союзе, официального соглашения подписано не было, поскольку англичане всячески уклонялись от этого. 13 апреля 1939 г. о гарантиях безопасности

Польше заявила Франция. Париж обещал помощь сухопутными войсками, но только через две недели после начала войны и при условии наличия политического соглашения, которое Париж заключать не спешил.

Рисунок 5. Начальник польской полиции Ю.К. Заморский встречается в 1939 г. в Варшаве рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, прибывшего в польскую столицу в качестве начальника полиции Германии

Возникла реальная угроза начала военных действий Германии против Польши. И Варшава, у которой никакой ясности с политическими союзами и которая так и не получила военных реальных гарантий своей безопасности, отвергла предложения о военной помощи со стороны СССР. 2 мая 1939 г. Ю. Бек отказался от советских гарантий.

* * *

Нет никакого сомнения, главной причиной возникновения Второй мировой войны явился сам Версальский мирный договор. Его положения были настолько унизительны для Германии, что реванш был неизбежен. Кроме того, послевоенное урегулирование в Европе, особенно в Центральной Европе, было чересчур противоречивым и непоследовательным. Не устранив борьбы великих держав за доминирование в Европе, Версальская система создала на континенте целый клубок противоречий (территориальных, политических, экономических, военно-стратегических, межэтнических и др.). Прав был В.И. Ленин, отмечавший, что Версальский договор «...есть договор хищников и разбойников», «это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов» [8].

В то же время, как показывает анализ, печальная судьба Польши в период Второй мировой войны во многом явилась результатом спекулятивной политики Варшавы, стремившейся не только и даже не столько к умиротворению гитлеровской Германии, сколько, по возможности, к тому, чтобы стать союзником нацистов, принять участие в послевоенном разделе территорий, в т. ч. территорий Советского

Союза. Даже поверхностный анализ свидетельствует, что Польша всерьез собиралась воевать с СССР плечом к плечу с вермахтом и даже делить советские территории с немцами.

Обвинения, выдвигаемые ныне в адрес Советского правительства 30-х годов в якобы имевшем место пособничестве Гитлеру, выразившемся в подписании советско-германского Договора о ненападении, совершенно беспочвенны и лицемерны. Именно Польша первой в мире заключила пакт о ненападении с Гитлером, именно Польша представляла интересы Германии в Лиге Наций, после ухода нацистов из этой организации, именно Польша буквально напрашивалась в союзники нацистской Германии, чтобы вместе начать агрессию против Советского Союза.

По словам польского военачальника и политика, занимавшего до его трагической гибели в июле 1943 г. пост премьер-министра польского правительства в изгнании Владислава Сикорского, история «преподала нам, полякам, слишком кровавые уроки, чтобы мы могли с легкостью забыть их и чтоб идеи и собственные желания мы могли бы сегодня принять за действительные факты» [9]. Но, судя по всему, эти уроки не были приняты в расчет польскими политиками 30-х годов XX века. Судя по всему, не принимаются они в расчет в Варшаве и сейчас.

Список литературы:

1. Польский_коридор / [электронный ресурс] — Режим доступа. — <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
2. Лопатина О.В. Польско-германские отношения. 1918 — 1925 гг. Диссертация канд. ист. наук. / [электронный ресурс] — Режим доступа. —// www.dslib.net/vseobshaja-istoria/polsko-germanskie-otnosheniya-1918-1925-gg.html.
3. Год кризиса, 1938 — 1939: Документы и материалы. Т. 1. - М., 1990. С. 83.
4. Севостьянов Н.Г. Европейский кризис и позиция США, 1938 — 1939. М., 1992. С. 178.
5. Валентинов О. Тайны пакта Гитлера — Пилсудского. / [электронный ресурс] — Режим доступа. —// <http://www.posprikaz.ru/2015/08/tajny-pakta-gitlera-pilsudskogo/>.
6. Там же.
7. Там же.
8. В.И. Ленин. Сочинения. Т. 31, с. 301.
9. Лопатина О.В. Польско-германские отношения. 1918 — 1925 гг. Диссертация канд. ист. наук. / [электронный ресурс] — Режим доступа. —// www.dslib.net/vseobshaja-istoria/polsko-germanskie-otnosheniya-1918-1925-gg.html.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УЧАСТИЕ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПАРТИЗАНСКОМ ДВИЖЕНИИ БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ

Текеева Земира Хыйсаевна

*канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории России,
Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева
Россия, г. Карачаевск
E-mail: zem.tekeeva@yandex.ru*

PARTICIPATION OF THE KARACHAYS IN THE PARTISAN MOVEMENT OF BELORUSSIA AND UKRAINE

Zemira Tekeyeva

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Russian History Chair, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Russia, Karachayevsk

АННОТАЦИЯ

Данная статья рассматривает участие карачаевских воинов в народно-освободительной борьбе в западных регионах СССР в годы Великой Отечественной войны. Автором в первую очередь уделено внимание партизанам, удостоенным за мужество и героизм в боях высшего звания Героя, также в основном представителям командного состава партизанских формирований, сделаны выводы о единстве целей партизан – представителей многонационального советского народа.

ABSTRACT

The article deals with the participation of Karachai soldiers in the people's liberation struggle in the western regions of the USSR during the Great Patriotic War. First of all the author pays attention to the partisans awarded for courage and heroism in battles of the highest rank of the Hero, also mainly to representatives of the command staff of partisan formations; conclusions are drawn about the unity of goals of the partisans - representatives of the multinational Soviet people.

Ключевые слова: мужество, партизан, карачаевцы, война, диверсионная группа, партизанский отряд
Keywords: courage; partisan; the Karachays; war; sabotage group; partisan party.

История Великой Отечественной войны более семидесяти лет не теряет своей актуальности, являясь объектом внимания не только ученых, но и любителей истории, писателей, художников и других.

Население Карачая, также как и весь Советский Союз, вероломное нападение Германии встретило гневом и возмущением. 60-тысячный народ отправил на фронт 15600 своих сынов и дочерей, более 9000 из которых полегли на полях Великой Отечественной войны.

Одной из значимых страниц Отечественной войны стало партизанское движение, развернувшееся на оккупированной территории СССР. Наибольшего накала эта борьба достигла на Украине и в Белоруссии. Объяснением этого является то, что многие воинские подразделения, первыми принявшие на себя удар фашистов, оказались разбиты, солдаты и офицеры очень быстро оказались в глубоком тылу немцев. Ярость и ненависть к врагу подтолкнула их к

образованию партизанских отрядов, деятельность которых вылилась во всенародное сопротивление нацизму.

В этой борьбе принимали участие представители мирного населения, солдаты и командиры Красной Армии, представители многих народов Советского Союза. В ряду партизан не последнее место занимают уроженцы Карачая, своими подвигами прославившие имя своего народа и свое собственное.

В данной статье мы рассмотрим боевые подвиги карачаевцев-партизан, совершенные ими на территории Украины и Белоруссии.

В Белоруссии, по сведениям А.Д. Койчуева, «были образованы и вели боевые действия 1255 партизанских отрядов, ... всего в партизанских отрядах насчитывалось 374 тысячи бойцов» [2, с. 28].

Наибольшую известность в числе карачаевцев-партизан получил Осман Муссаевич Касаев, служивший в РККА с 1937 года. В первые же месяцы войны

он попал в окружение в Могилевской области. Совместно с сослуживцами приняли решение действовать в качестве партизан, был создан отряд численностью всего семь человек. Со временем его численность превысила 1000 человек, и 21 ноября 1943 года отряд Османа Касаева приказом № 068 Могилевского подпольного обкома партии был преобразован в 121 отдельный партизанский полк, в который входили «девять стрелковых рот, девять взводов станковых пулеметов, разведывательный взвод, взвод саперов-подрывников, артиллерийско-минометный взвод, особая диверсионная группа, хозяйственный взвод и санчасть» [3, с.266].

За период боевых действий партизанами полка были уничтожены 27 фашистских гарнизонов, проведено более 100 диверсионных операций: 34 эшелона пущены под откос, уничтожены до 4 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, взорваны мосты и склады с боеприпасами и т.д.

17 февраля 1944 года колонна партизан попала под авиаобстрел, Осман Касаев был смертельно ранен и умер на следующий день 18 февраля в возрасте 27 лет, а партизанскому полку было присвоено его имя. Похоронен сначала в деревне Хрипелеве, после войны перезахоронен в Могилеве.

В характеристике, которую составил на Османа Касаева секретарь Могилевского подпольного райкома партии читаем: «Своей храбростью и боевой отвагой Касаев завоевал безграничное доверие партизан и изумительную популярность среди гражданского населения, чутко относясь к их нуждам, за что снискал себе бессмертную память» [2, с. 28].

В Витебской области, после разгрома воинских частей в 1942 году, в партизанский отряд вступили сразу два карачаевца - Каракетов Юнус Кеккезович и Хаиркизов Кичи-Батыр Али-Мурзаевич. В партизанской бригаде В. Леонова был отряд «Лени» - Каракетова и отряд «Коли» - Хаиркизова. В мае 1943 года в бригаде насчитывалось 800 бойцов, в июле – уже 1200 [3, л. 79].

8 июня 1943 года Хаиркизов с отрядом принял бой, защищая от гитлеровцев занятые партизанами деревни. В бою Хаиркизов погиб и похоронен в деревне Каменщина Витебской области [1, с. 84].

В 1944 году партизанская бригада была разделена немцами на две части. 8 июня одна часть отряда попала в блокаду в Минской области. Другая часть поспешила им на выручку. Сводный отряд Каракетова стоял насмерть, обеспечивая выход партизан из окружения. Почти весь отряд Юнуса в этом бою погиб, в том числе и он сам [1, с. 75].

По сведениям доктора исторических наук А.Д. Койчуева, Каракетов и Хаиркизов командованием партизанского отряда были представлены к званию Героя Советского Союза, но награды так и не получили [2, с. 30].

Еще одним героем партизанского движения в Белоруссии был Мурадин Гаджаев, который встретил войну на западной границе. Раненый и без сознания он попал в плен, находился в концлагере в Польше, откуда ему удалось бежать, и в марте 1942 года он

вступил в партизанский отряд имени Н. Щорса в районе Бреста. Благодаря мужеству и героизму ему удалось вырасти от рядового до командира роты.

Рота Гаджаева пустила под откос 62 воинских эшелона, уничтожила 64 паровоза, при этом было уничтожено около 1500 фашистов. В боях Гаджаев был неоднократно ранен и контужен, но дошел до конца войны. После войны жил в Бресте, где был удостоен звания почетного гражданина города, принимал активное участие в патриотическом воспитании молодежи. Мурадин Гаджаев умер в 1989 году и похоронен в г. Бресте.

Одним из прославленных бойцов-партизан Брестского соединения был Абдул-Керим Шаманов, характеристика на которого была обнаружена в архиве: «В период пребывания в отряде имеет следующие боевые дела: участник трех открытых боев с немецкими захватчиками, участник взрыва девяти вражеских эшелонов, рельсовой войны, где взорвал 30 рельсов, уничтожил 5 километров телеграфно-телефонной связи, два автодорожных моста на шоссе, одно немецкое предприятие и разобрал 125 квадратных метров шоссеиной дороги» [4, л. 198].

Численность белорусских партизан – уроженцев Карачая не ограничивается вышеперечисленными именами. Всего, по неполным данным, в составе партизанских отрядов Белоруссии против фашистов сражались около 100 карачаевцев, чьи ратные подвиги неоднократно были отмечены Родиной [5, 268].

На Украине партизанские отряды также создавались с первых дней войны. До конца 1941 года «было создано 883 партизанских отряда и диверсионных групп общей численностью 35 тысяч бойцов. Весной и летом 1942 года по инициативе ЦК компартии Украины были созданы рейдирующие партизанские соединения С. Ковпака, А. Федорова, Я. Мельника, А. Сабурова и других» [2, с. 35]. В этих диверсионных группах бок о бок с другими народами воевали и уроженцы Карачая.

Одним из партизан был Узденов Дугербий Таневич, который в 1942 году являлся командиром диверсионно-разведывательной группы, заброшенной в Ровенскую область Украины. Эта диверсионная группа в ноябре 1943 года вошла в состав партизанского соединения Бринского.

Отряд Узденова в течение двух лет «подорвал около 100 эшелонов, десятки машин с живой силой и техникой, взорвал 25 мостов, уничтожил 150 танков и бронемашин, более 200 пушек и другой техники» [1, С. 83].

После войны Д. Узденов вернулся в свой родной аул Каменномост, был активным общественником, принимал участие в патриотическом воспитании подрастающего поколения.

Кроме того, в число партизан можно внести и патриотов своей Родины, оказавшиеся в фашистском плену и концентрационных лагерях. Одним из таких борцов был Абдулла Хапаев. Тяжело раненный, без сознания он попал в плен. В концлагере ему удалось собрать подпольную группу и связаться с партизанским штабом, куда он передавал сведения, которые

удавалось добыть. В 1943 г. группа Хапаева получила приказ вывести из строя всю сельхозтехнику и организовать побег военнопленных. Когда Хапаев с товарищами обсуждали план проведения операции, их подслушал предатель и донес фашистам. Группа погибла под пытками, но так и не выдала местоположение партизан.

Таким образом, по неполным данным, на территории Украины принимали активное участие в народно-освободительном движении более 25 карачаевцев [2, с. 38].

После войны население Украины и Белоруссии, в знак благодарности за мужество, героизм, помощь местному населению в годы тяжких испытаний, увековечили память партизан. Их именами названы села, школы, улицы в селениях и городах.

На малой родине так же помнят и чтят карачаевских партизан. В их родных аулах школы носят их имена, многие улицы названы их именами. В столице Карачаево-Черкесии г. Черкесске и в г. Карачаевске есть Аллеи Героев, где установлены их бюсты.

Мы рассмотрели неполный список карачаевцев – участников партизанского движения на территории Украины и Белоруссии. Из 11 Героев, которых Карачай дал Родине, 4 человека получили это высокое звание именно за участие в партизанском движении на территории указанных республик: О. Касаев – в 1965 году, Ю. Каракетов и К-Б Хаиркизов – в 1995 году, Д. Узденов – в 2005 году. При этом следует дать пояснение по поводу столь позднего присуждения этих высоких званий. Карачаевский народ, как и многие народы Северного Кавказа, в 1943 году был депортирован в Среднюю Азию и Казахстан. Причины

депортации, вследствие секретности архивов НКВД, до конца еще не исследованы и не установлены, но результаты этой несправедливой акции сказываются до сих пор. По сведениям упомянутого выше А.Д. Койчуева, много лет посвятившего исследованию участия карачаевцев в Великой Отечественной войне, все представители карачаевского народа, представленные к высокому званию Героя, получили отказ «по национальному признаку». В 1957 году карачаевцы были реабилитированы и только тогда получили возможность ходатайствовать перед руководством страны за участников Великой Отечественной войны. Результатом деятельности руководителей и общественности Карачаево-Черкесии стали 11 Героев Советского Союза.

Необходимо отметить, что при исследовании обозначенной проблемы существуют и определенные трудности. В документах на партизан, составленных в период Великой Отечественной войны, имена и фамилии карачаевцев не всегда записывались верно, и необходимо их тщательное изучение с целью уточнения данных. Второй проблемой является то, что демобилизованные после войны партизаны оказались в местах депортации карачаевского народа, и тяжелые трудовые будни не позволили им оставить после себя мемуарную литературу.

Таким образом, карачаевцы принимали самое активное участие в партизанском движении на временно оккупированной части Советского Союза, также годы испытаний показали несокрушимое единство советских народов, рука об руку защищавших свою великую Родину.

Список литературы:

1. Золотые звезды Карачаево-Черкесии. Черкесск, 2015. 146 с.
2. Койчуев А.Д. Карачай: вопросы войны, мира, образования и культуры. Карачаевск-Ставрополь, 2019. 388 с.
3. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3793. Оп. 1. Д. 60.
4. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 3500. Оп. 7. Д. 408.
5. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 2. Черкесск, 1972. 448 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СССР

Кажанов Олег Александрович

*канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, философии и работы с молодежью
Смоленского государственного университета,
РФ, г. Смоленск
E-mail: kazhanov@bk.ru*

ELECTORAL STUDIES IN THE USSR

Oleg Kazhanov

*kand. philos., associate Professor, Department of sociology, philosophy and youth work, Smolensk state University,
Russia, Smolensk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из этапов предистории современной отечественной электоральной социологии. Анализируются особенности электоральных исследований в СССР, ориентированных на изучение иностранного теоретического и эмпирического материала. Делается попытка выделить положения в советском общественном знании, нашедшие свое отражение в содержании современных российских электоральных социологических исследований.

ABSTRACT

The article deals with one of the stages of the prehistory of modern domestic electoral sociology. The features of electoral research in the USSR focused on the study of foreign theoretical and empirical material are analyzed. An attempt is made to highlight the provisions in the Soviet social science, reflected in the content of modern Russian electoral sociological research.

Ключевые слова: электоральная социология, предистория электоральных исследований, советская модель выборов, зарубежная электоральная теория и практика, советское обществоведение.

Keywords: electoral sociology, prehistory of electoral studies, Soviet model of elections, foreign electoral theory and practice, Soviet social science.

Любая наука имеет свою предисторию. В этот период возникают первые, во многом несовершенные идеи, представления о будущем объекте исследования, методы его изучения, которые создают своеобразный «фундамент» для дальнейшего научного поиска. Анализ предистории науки позволяет понять не случайность выбранных направлений ее развития.

Отношение к предистории отечественной электоральной социологии, которая в настоящее время проходит процесс институализации, в российском общественном знании носит дискуссионный характер. Распространена точка зрения, согласно которой электоральные социологические исследования в России

имеют небогатую историю, так как до конца 80-х начала 90-х годов XX века в стране отсутствовали конкурентные выборы [14; 15, с. 88-89; 21, с. 63]. Отрицание предистории констатирует факт зарождения отечественной научной мысли на «пустом месте», лишь благодаря интуиции первых электоральных социологов и освоению зарубежного научного опыта. Однако ряд исследователей указывают на наличие опыта электоральных исследований в стране до указанной точки отсчета, ограничиваясь в основном, констатацией факта [1, с. 6; 9, с. 5-6; 17, с. 6].

Таким образом, вопрос о наличии предистории российской электоральной социологии остается от-

крытым. Ответ на него позволит понять, существовала ли в нашей стране традиция изучения феномена электорального поведения задолго до конца XX века или единственной опорой современной отечественной научной мысли являются достижения зарубежных исследователей, механическое заимствование которых, не всегда позволяет выявить специфику российского электорального пространства. В случае положительного ответа, возможен не только пересмотр сложившихся взглядов на историю электоральной мысли в России, но и установление связей (посредством и косвенных) между содержанием электоральных исследований в прошлом и настоящем.

Используя сравнительно-исторический метод и не претендуя на всеохватывающий характер исследования, мы остановились на анализе лишь одного из этапов предистории электоральных исследований в стране – советском периоде.

На первый взгляд тема, заявленная в названии статьи, представляется достаточно надуманной. Известно, что сложившаяся в Советском Союзе модель выборов, имела тоталитарный характер. В ее основе лежал полный контроль властвующей коммунистической партии за электоральным поведением граждан, что лишало проводимые избирательные кампании такого свойства, наблюдаемого в условиях политической демократии, как непредсказуемость результатов голосования. Волеизъявление народа превращалось в единодушную поддержку кандидатов, являвшихся представителями блока «коммунистов и беспартийных».

Этому способствовал и тот факт, что выборы в советские органы власти в условиях тоталитарной политической системы носили не конкурентный характер. Голосование в избирательном округе осуществлялось при наличии одного кандидата, выставленного властвующей коммунистической партией. Сложный процесс формирования электорального выбора заменялся у советских граждан формальной фиксацией «галочки» в бюллетене напротив фамилии единственного предлагаемого кандидата.

Важной составляющей контроля за поведением советских граждан на выборах являлась явка избирателей. Избирательные комиссии внимательно следили за участием людей в голосовании, стремясь обеспечить его почти стопроцентный уровень.

Названные особенности выборов в СССР способствовали реализации их социальной значимости – легитимации существующей системы политического господства властвующей коммунистической партии с помощью манипулирования массовым сознанием населения своей страны и международным общественным мнением. Функциональный потенциал проводимых избирательных кампаний включал в себя ряд составляющих. Одной из них являлась демонстрация «морально-политического единства» советского общества, сплоченности партийно-государственных структур и народа, вождей и масс. Господство принципа «Государство – это мы!» превращало институт советских выборов в механизм, выводивший из-под критики существующий политический режим

и персональный состав политической элиты. Еще одной задачей этого института являлось формирование иллюзий относительно демократизма советской политической системы. Кроме того, советские выборы рассматривались как способ пропаганды проводимого политического курса, мобилизации граждан на участие в его реализации.

В такой ситуации научное изучение феномена электорального поведения в условиях советской действительности теряло как свою теоретическую, так и практическую значимость. С одной стороны, жесткий идеологический прессинг не позволял объективно оценить сущность и характерные черты, динамику этого политического явления. Проведение конкретных эмпирических электоральных исследований (например, с помощью опросных методик) могло бы способствовать выявлению объективных причин народного «единомыслия» или неразвитости института электорального абсентеизма. Однако, такого рода научная деятельность находилась под контролем партийных структур, представители которых утверждали ее проблематику, участвовали (в ряде случаев) в проведении, ревизовали полученные результаты, решая вопрос о том, что можно публиковать, а что должно быть «похоронено» на полках архивов. В таких условиях познавательная деятельность советских ученых должна была сводиться к одному – доказательству истинности положений марксизма-ленинизма. С другой стороны, именно непредсказуемость электорального поведения придает значимость прикладным исследованиям, результаты которых лежат в основе объективного прогнозирования итогов голосования, выработки эффективных технологий воздействия на сознание избирателей.

Современные исследователи выборов в СССР приходят к однозначному выводу, что электоральное поведение в то время как феномен не существовало, так как оно определялось «правилами игры», которые устанавливала партийная власть [11, с.22; 21, с.153]. Соответственно, как отмечает М.Салматова, в советском общественном сознании «...электоральное поведение не изучалось даже на уровне постановки проблемы» [18, с. 73].

С этим утверждением можно было согласиться, если бы объектом исследования были только избиратели в СССР. Однако, в связи с изучением международного рабочего движения на Западе, в поле зрения ряда отечественных специалистов попали избирательные процессы в развитых странах мира. Часть из них специализировалась на страноведческой тематике, анализируя политические выборы и участие в них представителей «антагонистических» классов в таких государствах «капиталистического лагеря» как США, Великобритания, Италия и др. [Например, см.: 6,7,8, 19] Отдельные ученые, такие, например, как А.А. Галкин, Ф.М. Бурлацкий, А.В. Дмитриев, делали акцент на изучении обще-методологических аспектов такого рода исследований [4,10, 16].

Развитие советского общественно-политического сознания проходило в условиях жесткого контроля марксистско-ленинской догматики, что, неизбежно сказывалось и на исследовании феномена электорального поведения в

развитых капиталистических странах мира. Абсолютизация классового подхода редуцировала и искажала сложность и многоаспектность участия или неучастия индивида в выборных кампаниях стран, где существовало гражданское общество. Недооценка или отрицание в формировании электорального выбора факторов, имевших неклассовый характер, сужает значимость проделанной работы в аспекте предистории современных отечественных электоральных исследований.

В тоже время, было бы неверно, на наш взгляд, полностью отрицать вклад советских обществоведов в подготовку «почвы» для последующего «рывка» в создании объективной научной концепции феномена электорального поведения и ее применения в условиях современной российской политической действительности.

Используя сравнительно-исторический метод, попытаемся выделить основные направления в научно-исследовательской деятельности советских обществоведов, в рамках которых формировались предпосылки для последующего этапа становления и развития отечественных научных разработок электоральной проблематики, зафиксировать рациональные моменты в их творчестве, выходявшие за рамки господствующей идеологической догматики.

Во-первых, необходимо отметить методологическое направление в деятельности советских исследователей. «Международники» первыми поставили вопрос о феномене электорального поведения как объекте специального научного исследования, акцентируя внимание на сложности его изучения [16, с.3,44]. Рассматривая электоральное поведение как составную часть политического поведения, они определяли первое как «участие в периодических действиях, связанных с делегированием полномочий» [5, с.216].

Не менее важным является и выбор дисциплины, в рамках которой должно вестись исследование указанного феномена. В современном отечественном обществознании этот вопрос полностью не решен, так как изучение феномена электорального поведения носит междисциплинарный характер, привлекая внимание специалистов разных научных направлений (политологов, психологов, философов и т.д.). Однако, наиболее активно этим занимаются специалисты в области политической социологии, отдельные представители которых даже предлагают выделить электоральную проблематику в отдельную отрасль социологического знания – электоральную социологию [15, с.85].

Проблема междисциплинарного характера электоральных исследований рассматривалась и советскими обществоведами. Дисциплинарные различия таких наук как «политическая наука» и «политическая социология» не имели существенного значения, что в определенной мере сближало их мировоззренческую позицию со взглядами американских исследователей того времени [3, с. 174]. В рамках политологии они выделяли обширный блок важных социальных проблем политики, изучение которых пред-

ставляет собой частный случай применения социологических методов. Феномен социально-политических отношений предлагалось исследовать в рамках специальной отраслевой социологической дисциплины, связывающей общие положения марксистско-ленинской социологии с конкретными исследованиями политики и политического процесса [см.: 2, с.61; 3, с.39]. В проблемное поле этой дисциплины, которую предлагали называть по-разному: «социология политики», «материалистическая теория политики», «бщая теория политики» и т.д., входили и исследования электорального поведения [3, с.109].

Необходимо отметить, что вопрос о социологическом изучении электоральных процессов впервые был озвучен в отечественном обществознании задолго до советского периода. Еще в 1907 году русский партиолог П.Б. Эрлин пришел к выводу о необходимости создания в будущем специальной научной дисциплины, которую он назвал «социология всеобщего голосования». Объектом исследований в рамках социологии всеобщего голосования должен стать избиратель, а предметом – внутренние устойчивые закономерности его поведения во время избирательных кампаний [Подробнее, см.: 12].

Во-вторых, публикации на электоральную проблематику советских обществоведов-международников сыграли важную роль в ознакомлении с опытом работы западных ученых в рамках данного направления. Ведь, именно, в середине XX века в странах Западной Европы и Северной Америки шла активная работа по исследованию феномена электорального поведения. Большую популярность приобрели эмпирико-социологические исследования прикладного характера в связи с институализацией социологического сопровождения избирательных кампаний на Западе. Об истории, методологии и методике такого рода исследований, практикуемых в развитых капиталистических странах (в первую очередь, в США) одним из первых подробно рассказал советскому читателю А.В. Дмитриев [10, с.70-80]. На базе фактических данных, собранных в результате проведения эмпирико-социологических исследований фундаментального характера в разных странах, стали формироваться концептуальные модели феномена электорального поведения, которые с разных методологических позиций обосновывали это явление. В работах Ф.А. Бурлацкого, А.А. Галкина описывались бихевиористский (социально-психологический) подход, получивший наибольшую популярность в англосаксонских странах и «экологическая школа», определявшая методологическую направленность электоральных исследований в странах континентальной Европы, а также их взаимовлияние [5, с.217-236; 16, с.23-44]. Особо необходимо отметить тот факт, что эти авторы одними из первых упомянули: предисторию электоральных исследований создавали не только зарубежные, но и исследователи дореволюционной России [5, с.376; 16, с.25]. К работам указанных авторов вполне применима оценка изучения зарубежного опыта социологического осмысления политики в публикациях советского периода, данная

Ж.Т. Тощенко. «Они выполнили чрезвычайно важную в те годы функцию просвещения, приобщения к богатству концепций и представлений, которыми были полны дискуссии политологов и социологов в 50-60 годы во многих странах Западной Европы и Северной Америки» [20, с.15].

Обращение к опыту политико-социологических исследований Запада позволило советским обществоведам сделать некоторые объективные выводы в рамках аналитического и критического направлений в изучении зарубежной электоральной теории и практики, выходявшие за рамки официальной марксистско-ленинской догматики.

Осмысливая «буржуазные» теоретико-социологические исследования поведения избирателя на выборах, А.А. Галкин, например, пришел к выводу, что они не только были ориентированы на «сознательное искажение фактической ситуации и подгонку результатов под заранее отработанные идеолого-пропагандистские схемы», но и предполагали действительный интерес к истине, а следовательно, и получение максимально приближенных к ней результатов» [16, с.24].

В этой связи, критикуя социально-психологический подход к электоральным исследованиям, получивший большую популярность не только в США, но и в странах Западной Европы, за его ориентацию на изучение соотношения индивидуальных характеристик избирателя с его поведением на выборах, советские обществоведы признавали значимость широко используемого в этой связи метода опроса избирателя. «Сами по себе опросы общественного мнения, - указывал А.И. Ковлер, - при правильной научной организации дают довольно объективные данные о настроениях избирателей и служат своеобразным политическим термометром» [13, с.82]. А.А.Галкин отмечал, что распространение этого метода в зарубежной эмпирической электоральной социологии привело к возрастанию качества и периодичности опросов. Полученный материал становился более пригодным для разнообразных, в том числе сравнительных, исследований. Более того, в рамках «действительно научной, марксистско-ленинской методологии» этот метод мог применяться как важный источник информации, наряду с анализом электоральной статистики, в советских исследованиях поведения избирателя за рубежом. Его использование носило вспомогательный характер, позволяя разобраться в социально-экономической обусловленности конкретных электоральных действий, а также в причинах различных отклонений [16, с.43-44,60-61].

В-третьих, критика зарубежной электоральной теории и практики в советских исследованиях в определенных случаях выходила за рамки «идеологической борьбы», и фиксировала реально существующие проблемы в условиях конкурентных демократических выборов. Одной из них являлось использование материалов электоральных исследований в манипулятивных целях. На примере Франции второй половины XX века, А.И.Ковлер показал, что вера изби-

рателей в «объективность» публикуемой социологической информации может повлиять на их электоральный выбор. Он привел результаты «опроса об опросах», проведенного Французским институтом общественного мнения в период президентских выборов в стране в 1974 году. При знакомстве с результатами предыдущих опросов большей части избирательного корпуса, 6% респондентов заявили, что публикация опросов повлияла на их выбор [13, с.82-83]. Манипулятивное воздействие СМИ на выбор избирателя в процессе электоральной коммуникации (в том числе и с помощью публикации результатов социологических опросов) является вопросом, входящим в проблемное поле современных электоральных исследований, в том числе и в России.

Подводя итог, отметим, что изучение западной электоральной теории и практики советскими обществоведами - «международниками» можно рассматривать как один из исторических этапов предыстории современных отечественных электоральных социологических исследований. Он отразил в себе всю сложность взаимоотношений развивающейся социологической мысли и власти в нашей стране, что было присуще не только советскому периоду. Несмотря на жесткий идеологический диктат в советских электоральных исследованиях присутствовали положения, перекликающиеся с содержанием современной научной мысли. Так, первая попытка теоретического осмысления феномена электорального поведения сменилась серьезным изучением данной проблематики в рамках электоральной социологии. Знакомство советской общественности с достижениями зарубежной электоральной теории и практики уступило место серьезному осмыслению этого опыта в целях его применения к анализу специфики электоральных процессов в России. Робкое признание продуктивности зарубежных методик проведения эмпирических исследований предшествовало активной их адаптации к условиям отечественной исследовательской практики. Наконец, выделенные «изъяны» свободных демократических выборов на Западе проявили себя в условиях современных российских избирательных кампаний, став объектом пристального научного внимания. В целом, электоральные исследования в СССР показывают значимость социологического осмысления феномена электорального поведения в условиях демократических выборов, которая была впервые осознана мыслителями дореволюционной России и активизирует современные отечественные исследования в этом проблемном поле.

Ограниченный объем статьи не позволяет более подробно рассмотреть предысторию современной электоральной социологии в советский период. Мы лишь попытались обратить внимание читателя на наличие определенных моментов преемственности в исследованиях «прошлого и настоящего». Требуется более серьезное изучение научного наследия того времени, чтобы понять генезис становления и формирования электоральной мысли в истории нашей страны.

Список литературы:

1. Бальсун К.Ю. Электоральное поведение в избирательном процессе современной России: автореферат дисс. ... кандидата политических наук. Ставрополь, 2009. – 21с.
2. Бовин А. К постановке социологических проблем политики // Социальные исследования. Вып.2. М.: Наука, 1968. – С.60-79.
3. Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. М.: Наука, 1970. –С. 526 с.
4. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М.: Международные отношения, 1974. – 328 с.
5. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. – 384 с.
6. Васильков Н.П., Холодковский К.Г. Италия. М.: Мысль, 1983. – 413 с.
7. Васильцов С.И. Выборы и рабочие партии в Италии (1953-1976). М., 1978. – 262 с.
8. Василенко А.С. Лица наемного труда на выборах (социально-психологические аспекты) // Рабочий класс и мир. – 1972. -№6. – С.62-74.
9. Гришин Н.В. Электоральные ориентации населения юга России: концептуальный анализ: автореферат дисс. ... д-ра политических наук. Астрахань, 2011. – 52с.
10. Дмитриев А.В. Политическая социология США. Очерки. Л., 1971. – 84с.
11. Зырянов С.Г. Электоральное поведение и электоральная культура в трансформирующемся институциональном пространстве: методологический аспект // Социум и власть. – 2008. - №2(18). – С. 28-33.
12. Кажанов О.А. Павел Берлин как предтеча электоральной социологии в России // Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). – 2016. - # 6. – część 4. – st. 141- 145.
13. Ковлер А.И. Франция: партии и избиратели. М.: Наука, 1984. – 140с.
14. Ляпина И.Ю. Особенности электоральных исследований в современной России // Политика, государство и право. 2016. №5 [Электронный ресурс] . URL: <http://politika.snauka.ru/2016/05/3870>
15. Прикладная социология: Учебное пособие / под ред. Ю.С.Колесникова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – 320с.
- a. Рабочие избиратели в странах Западной Европы / отв. ред.
16. А.А.Галкин. – М.: Наука, 1980. – 438с.
17. Савинков Ю.Н. Социальные факторы управления электоральным поведением в регионе: автореферат дисс.... кандидата социологических наук. Орел, 2004. – 27с.
18. Салманова М.С. Электоральное поведение горожан в советской России // Идеи и идеалы. – 2013. – Т.2. - №3 (17). – С. 72-85.
19. Степанова Н.М. Консервативная партия и рабочий класс в послевоенной Англии. Политическое влияние на массового избирателя. М., 1972. – 27с.
20. Тощенко Ж.Т. Эволюция идей политической социологии (По страницам журнала «Социологические исследования» за 1974-1993 гг.) // Социологические исследования. – 1994. - №6. – С.14-24.
21. Федоров В. Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М.: Практика, 2010. – 384 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

**UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

№ 9-10(59)
Октябрь 2019

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 66233 от 01.07.2016
Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54435 от 17.06.2013

Подписано в печать 28.10.19. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,25. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3